

БЫТ ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНИ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ

В публикации представлены записи, сделанные в 2003 г. во время экспедиции в Харовский р-н Вологодской обл. сотрудником Московского гуманитарного педагогического института И.Д. Михайловой и сотрудником Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН) Д.М. Савиновым в рамках работы над исследовательским проектом, поддержанным РГНФ — «Русская деревня XX века в рассказах ее жителей: язык, культура, личность» (№ 03-04-00470а).

Рассказчица — Муза Андреевна Кочёнкова, 1930 г.р., родилась в д. Мартыниха, образование 4 класса; в настоящее время живет в д. Щукинская (приблизительно в 2-х км от Мартынихи). Вместе со вторым мужем 10 лет жила в райцентре — г. Харовске (в *Харовской*). Потом вернулась обратно в деревню.

Оригинал записи хранится в фонотеке отдела фонетики ИРЯ РАН. Расшифровка Д.М. Савинова.

О деревне

Церковь в тридцатые годы уже разрушена была, как раз колхоз ведь. Маленьку заганивали в колхоз, она рассказывала мне, а я-то еще маленька была. Только родилась. Загоняли — дак не шла ещё в колхоз-от. Потом уж стали стращать да всё отбирать, дак пошла, всех загонили. А церкви я не видала. Только вот когда съездишь в город, дак сводят меня в церковь-то. В Харовской вот у нас церковью-то, так вот, бывает, заходишь...

Крестили раньше здесь. Раньше по домам ходили. Батюшки вызывали на дом. Батюшка вызовешь, он придёт и окрестит на дому...

В каждой деревне ведь раньше праздник был, у нас Троица. Отмечали, гостей полно было. Пиво варили, самогонку гнали. Бывало, застрашают — дак чаном выливали. У реки, за два километра ездили на лошадях. Вот поставим на телегу и везём туда, к реке. Река там у нас течёт, вот там гнали самогонку...

Я в школу два месяца ходила, вот на Горку, за озеро. Ну я самый первый класс ходила туда, там у нас школа была. Теперь и дома этого нет, двух школ нет уже. Была двухэтажная школа, стояла вот тут посередке, где магазин. И потом к кладбищам туда школа была. Сельсовет стоял, и школа была. В две школы я там ходила. До четырёх классов. В пятый класс походила две четверти, и маменька меня отказала, всё. Раньше нас всех отказывали.

О неопознанных летающих объектах

Я три раза видела. Я болела, я не знала ничего. Самый первый раз я увидела, это было пять минут первого ночи. Я была одна дома, никого не было. А у нас яблонь-то не было, вот этих яблоней-то,

дак как на блюде всё видно. Вдруг с Горки появилось это, зарево-то это. Появилось, я встала к этому окошку, вижу, что подаётся сюда, на этот берег, подаётся, подаётся. Ни шуму — ничего, ничего-хоньки нет. Вдруг подлетает вот сюда, а я ведь слыхала, что летают-то эти тарелки-то. Я испугалась. А на мне рубашонка была коротенькая, да жакеточку я натянула с испугу-то, да валенки были, с калошам натянула — голая, просто вся голая. Выбегаю на улицу-то, а образ у его: вот такой круг, большой-большой круг, а тут вот как фонарь в акурат, вот как светишь этим фонарём. Вот такой огненный, огненный, такое зарево. Ой, милые. Я испугалась, выбежала. «Гуся! Гуся! — кричу вот соседку, — Гуся! Гуся! Давай выбегайте!» Она говорит: «Убегай ты». Я говорю: «Как это убегай с улицы». Я как закричала эту Гусю-то, как повернулсь вот так вот сюда вдоль озера, и я только видела, что конец такой длинный и дым-то, столб дыма пошёл от заду-то, вот такой дым. Вот за этот дом-то полетел и всё. Так я, веритё, хошь не верьте, на второй день я головы не подымала, я не знала, что от этого. Я заболела, я так заболела сильно! У нас кровать тут стояла, я на кровать легла и весь день головы не подымала, мне так тяжело было. Говорят, это подействовали лучи эти.

Потом второй раз видела. Опять же тут, опять в этом месте. Ну я тоже была одна дома, а Таня с мужем были у соседей, вон там сидели. Опять же вот с этого места и опять летит вот сюда к нам за озеро. Главное — шуму-то никакого нет: вдруг появляется сюда. Я побежала тоже, выбежала в ночной рубашке, бегу туда, а там ещё гуляли они, мужчина был живой, теперь уж его нет живого. Я кричу: «Таня! Таня! Идите, летит ведь, летит!» А им кажется, что горит, горит! А я говорю: «Летит, летит, идите!» Но они

только зад видели, они переда не видели. Он уже повернул и вдоль озера.

А третий раз видела вот. Ну говорю: «Меня унесут, третий раз уж видела, так четвёртого не миновать, увезут меня». Притяжение какое-то всё ко мне было. В Харовску поехала, а я почему-то не сюда поехала, а пошла туда на площадь, площадь-ту видели? Площадь йзведу у нас тут. И мы на остановке стоим, народу очень много было, очень. И вот он появился, появился вот прямо на площади. А было туманно, очень туманно было. Он появился, значит, а народу-то много, ребятишек особенно, как заорали, как все заорали. А низко-то низко, как все заорали-то, так, милые, он ндруг [вдруг] скрылся, нигде ничего не стало, нигде ничего не стало, всё затихло. Поехали на автобусе, до Шáпши доезжаем: «Ой! Вот летел этот», — как называют, не назвать мне. В Сторожине едем, тоже про это же говорят, что вот пролетел. В Харовску приехали — везде побывал, и в Харовской тоже говорят, что видели. Вот как интересно, видишь, как кричат, и он куда-то денется.

О нечистой силе

На самом деле я видала. Вот я маленькая была, маленькая. Дело было в Христов день, в Паску самую. Мама-то уходила туда, церкви-то уж не было, но ходили, все равно в церковь ходили в Паску, в Христов день ходили. Маменька ушла, мы с братом сидим. Вот уж это я сама запомнила. Сидим так, а она качель повешала нам, у нас зимолка [зимовка] была, вот такой передок, а сбоку зимолочка была, и мы жили зимой в зимолочке. А брат-то у меня сидит качается, а меня-то не пускает.

Раньше лавки были деревянные кругом, стол, а тут лавки — мода была у нас: ни стулики, ничего этого не было. Всё

старинному: лавки такие протянуты и все сидели. А я в углу, а тут футляр стоял, футляр — большие часы стояли, деревянный футляр. Я сижу на лавке, а тут передний угол, тут стол, тут полати большие такие были сделаны, туда всё: постели убирали, подушки все, одеяла туда прибирали. Над печью полатцы вот тоже такие же, тут печка была складена кирпичная с трубакам, трубаки выводились, всё раньше вот так было.

Вдруг из переднего угла катится катыш, вот больше телевизора-то, больше, такой кудреватый-кудреватый черный, как борашек, видали овец-то. Так вот — кудреватый-кудреватый, ни головы, ни ног —ничегохоньки, ничего. Ну вот катится, катится, идет, идет по этой, по лавки-то. Я как заору. Заорала, заревела, брата-то заругала, а он что — парень, дак залез и по верёвке-то, да на воронец, да и на полати ускочил. А мне-то некуда, я прижаласе в уголке, сижу и вижу: катится, катится. Докотилсе вот на конец и куда-то исчез, на конец лавки и никуда больше не спрыгнул, не знаю, куда делся. Вот так вот видела. А перед чем, думаете? Вот и видела перед им, перед братиком. Он вот прокатился да исчез — это домовый и был, он предвещал мне. А чё, мы глупые, дак он-то постарше меня был. И через долго [недолго] тут, он в школу ходил, из школы пришел, а здесь вот было четыре лошади, молотили у нас всё. Молотили четыре лошади, вот так кругом ходили, сидели тут люди, гоняли лошадей. А тута у нас парень вон с того дому, такой был вольневатый парнишка-то, он, видно, подтолкнул между волов-то туда головой его, и его прихлопнуло. И вот, милая, перед им такое мне показалосе. И через долго так и случилось. Предвещал...

По грибы-то ходили мы с мамой. Я была подросточек ещё, я не в замужем, пошли по грибы. А раньше ходили-то — не опускали [отпускали] днём, надо работать, не отпускали, так ходили до работы ещё за грибам-то, грибов-то росло много. Ну вот мы и ушли на самый задний покос. Насобирали мы две корзины, большие две, рыжиков насобирали. Чё потянуло, и мы пошли-пошли и заблудилисе — нас опутало. Опутало, опутало — не знаем дороги. Идём, идём, идём, лес в небо, всё: ёлки, сосны. Ни дороги, ничего, тропиночка такая есть, вот идём, идём. Я шла наперед, мама по-за мне

шла, я и говорю: «Мама, — я говорю, — вон погли-ка, просвитлина там есть, ты постой с корзинам здесь, а я немножко подойду». А вот представляете, а никем никого, никем никого, нигде ни живой души, тишина: «Какая, говорит, тебе на х.. просвитлина». Вот так-то, мне такой-то ответ. Как у меня сразу волосья дыбом встали на голове, я не знаю чё делать-то. Я испугаласе, задрожала вся, из корзины рыжики высыпали и обратно. Как обратно-то, милая, то нас вывело, вывело эдак, мы не достойны этому плохому. На нас крестики были, на след дальше нас не повело никуда. Ведь у нас уходили, что и без вести пропадали, на след вот попадали. Как обратно-то идём, рыжики-то все высыпали, а дальше — что больше рыжиков-то, дальше — что больше рыжиков. Вот когда заблудишь-ся, как вот нарочно. Идём с пустым корзинам, я вся дрожу, мама испугаласе. Шли-шли, вышли — встали, стоим. Я говорю: «Мама, дак ты представляешь, где мы есть-то, слава тебе Господи, хоть мы вышли. Нас ведь вывело, не суждено нам погинуть-то, вон кость-то лежит». Это от какого-то животного, не знаю, от лесного, наверно, и там вот дыра, в этой кости-то, большущая кость-то. Я говорю: «Это мы в Котовском моху. Вот нас вывело куда». Вот, потом я тропку-то нашла, дак о-о-ой, всю дорогу дак, не могу. Вот такое было, вот верьте, хошь нет. Бог нас вывел...

Я была в обряде, на ферме была с теляткам, теляток ухаживала. Двадцатидневных мне возили, по шестьдесят голов я обряжала их. Дело было летом, погонили мы пасти, день был, вот как сегодня, дождь ещё потом пошёл. Попазли мы с дочерей, с той, не с этой. Я и говорю: «Рима! Такой дождь, давай выгоним, выгоним, говорю, телят-то сюда на край». А тут поле было, а в огороде, был огород и завор был, заворницы. Я говорю: «Давай-ка попасём, наплевать, овёс здесь, говорю, на краю да на другом попасём». А телята — дак телята и есть: они, как мы загонили, они у нас и на овёс везде побежали. А как раз, милые, стоит женщина у завора, а дождина-то такой, дождина-то такой. Стоит женщина, а женщина не знаем какая, а она показаласе знакомая мне, я её признала, эту женщину. А лица не показывает: стоит вот так бочком, руки вот так. Курточка на ей была — показаласе жен-

щина моей невесткой, брата невестка. Я и говорю: «Рима! Давай выгоняй телят-то, погли-ка, женщина-то стоит глядит, скажет: вот пасут на овсе телят». А Римку-то заинтересовало, ей интересно, что это не женщина. Платочек повязанный так вот — наперёд концы, руки стоит вот так и смотрит, как мы тут работаем. А я-то ещё и матюком прихватила Римку-то: «Рима! Ты что, вон погли-ка, ведь нас осудят. Давай, говорю». И она как-то быстро — знай, глядит на её, знай, глядит. Я-то телят начала загонять с овса-то, туда, в сторону. Загоняю, а ей даром и телята, знай, глядит на её. Я-то не видела, а она-то всё видела, она и говорит: «Мама, ты знаешь, чего произошло? Она вот сейчас знаешь, как пошла?» Я говорю: «Как?» — «Как развернуласе, быстро так повернуласе и как зашагала — так метровые шаги у её. И пошла вдоль огорода, пошла в поскотину эта женщина. Мама, чё-то тут неладно». Только она ушагала от нас, эта женщина, вдруг племянник-то, Вася-то. Только она след убрала, и он по её следам идёт в этот завор. Идёт в завор и говорит: «Крёсна (я ему была крёстка), крёсна, говорит, не видала тут лошадей?» А я-то ещё ничё не подумала, я говорю: «Нет, Вася, не бывали лошади здесь, никого не бывало. Мы вот попали телят, сейчас надо выгонять». Ну я тут струхнула, конечно, что это не человек. Показалася она человеком, но не человек, я говорю: «Божатка-то (мне невестка, а раньше всё божатка называли, теперь тётям зовут всё в городе, а мы всё божаткам звали) [туда пошла]». — «Нет, говорит, мама сегодня приболела, лежит, никуда». Вот меня тогда-то и забрало, что божатка-то дома. А прошло, прошло недолечко-то, сколько-то и дней-то не знаю, недолечко, божатка-то и умерла, Санька-то, невестка-то, умерла. Было с сердцем у её плохо, прилив, видно, сделался, и она в сарае упала, умерла. Вот, милые, она и показаласе мне в еёном... у её была курточка такая коричневая, платок. Вот такое видела. Вот не верят ничему, а чего-то есть, всевышняя есть чего-то там.

— А у вас обереги в доме есть?

Да иконки есть, а ничего не было больше. У нас и во хлевё дак у скотинки. У нас ведь недавно сделали со скотинкой, правда дак. Умерла скотина дак, два телёнка умерли взараз, две коровы

повалились, у нас две были коровы, вот нарушили мы одну сейчас, одна осталась. Дак думали, всё, всё уже. Вся наповал скотина была и семь куриц, клались так хорошо, класться не стали, стали яйца носить вареныё, и мы единой курочкой не использовали. Убили и бросили — собака есть не стала. Вот что-то сделали. После этого всего недавно, по осени, наверно, крест могильный нашли с гробницей. Был вложен, где скотинка ходит во двор. Вот страшно ведь, страшно...

— *А вы что-нибудь делали, чтобы оберечь дом?*

Ничего не делывала, ничего. С иконкой обходим и всё. На каждый праздник, скотинку сохраняем, дак с иконкой обхаживаем. Домик обхаживаем кругом, боле ничего я не делаю.

— *А не было людей, чтобы порчу могли снять?*

Так теперь в живые её нету, женщины. Она со следок сымала, вот на след-то, как я рассказывала, как мы ходили, вот попали бы, и куда-то вело нас, неизвестно. Так вот со следу дак женщина сымала. Она вот чё-то сделает, и найдётся. Скотинка вот когда теряется, тоже бывало, что скотинка потеряется, дак вот нахаживали коров раньше...

О медведях

Я же в лесу, дак и спала бы в лесу. Вот сегодня, у меня уж ноги не бродят, и то пошла в лес, со внуком ходили. Вот так меня тянет в лес. Я вот заблужусь, заблужусь, я стала блудиться, хожу, хожу — заблужусь: «Господи, я ведь у этого места была, почему я опять-то сюда пришла?» Да раз по десять приду на одно место, бывает, вот так. Дак ведь чё, одёжу переверну на леву сторону да и сразу выйду. Одёжу выворачиваю: выверну — я и выйду.

А с медведями-то встречалась — дак умрёшь. В берлогу ходила — вот ума-то сколько было. Это недавно дело было, вот в эти годы. А первый-то тот, дак давно уж было, как самый-то первый на медведя-то я набрела. Всё одна хожу, я с народом не люблю ходить: ни по погоды, ни по рыжики — всё одна хожу.

Пошла я по рыжики на болото, а у нас собачка была, Тарзан такой был небольшинкий. Пошли мы с Тарзаном: он наперёд бежит, а там раньше силосные ямы были, всё силосовали на кол-

хозное-то стадо, всё силосовали, ямы такие были сделаны. Только эту яму-то прошли, а там осока высокая такая, болото-то. Я от ямы сошла, а Тарзанка у меня вперёд бежит. Вдруг Тарзанка-то как остановилсё, как лайнул, как медведь-то встал на дыбы-то, как зачёл зубам-то, о-о-о! Я не знаю, чё делать-то: «Рядом, рядом, рядом!» [кричу собаке]. Я делать-то не знаю чего. Он [медведь] меня испугался, я ору — он, наверно, боле меня испугался. Вот я бегу, мне кажется, что он за мной бежит. Вот думаю: «На сосну мне лезть — и когда мне на сосну-то лезть». Тут сосна большая стояла, суковатая. Я бегу, бегу, не могу, сердце всё зашло. Прибежала в деревню, всё кажется: бежит медведь за мной. Я говорю: «Ой бедный, наверно, он-то испугался, что меня увидел». Добежала, у нас вот зимовка тут была, крыльцо, я свалилась на крыльцо-то: ни туда ни сюда. Спрашивают: «Чего-чего?». Да я говорю: «Дайте отдышаться-то, я говорю, ведь я на медведя нашла». Ой.

Потом медвежаток видела, дак в руки брали — вот ума-то сколько было. Это тоже в недавние годы вот. Косили тоже, и вышли три медвежоночка из лесу. Косим — пищат и пищат, пищат и пищат, а мы с одной женщиной косили, и вдруг выходят к нам. Дак вот ума-то было, у нас хлеб был, так вот на таком расстоянии, как вы сидите, вот так вот я подаю хлеб, так оне не подходят к рукам-то, мы хотели взять да нести. А потом нам говорят: «Ну, вы и молодцы, взяли бы, дак и она ведь рядом была». Она нас разорвала сразу бы, медведица-то. И вот оне вот так вот полаяли-полаяли у нас тут, мы попотчевали хлебушком-то — не подошли никак. Потом я говорю: «Густя, ведь мы неладно делаем-то, ведь это медвежатка, медвежатка, давай-ка побегим отсюда». Мы с ёй и побежали домой. А такое место-то экое, закоулочек — там вот болото. Оне ведь в болоте всё больше-то.

А вот недавно-то было это дело, чё — по лесу всю жись хожу. А тут пошла я на болото за рыжикам, было рыжиков много. А болото-то у нас такое кочкватое, всё кочки, кочки. Ходила я, ходила, вдруг подошла — ну, господи! А чего это такое: вот такой большой-большой круг и такая крыша сделана. И дорога в поскотину, а это на краю болота. Это дело осенью уж было, дак он готовился к спанью туда, берлогу делал себе. А дорога-то уж

сделана, дак и мох вытаскан, всё, всё уж отлично. Я как подошла, а там отверстие-то такое тёмное, ещё поглядела в это в отверстие-то. Как заломалосё, как эти кусты зачикали, заломалисё — а он рядом был, в поскотине, видно. А уж как заломило-то, дак не знаю, не знаю. Я, милые, испугалась, как бежала, не знала, куда и бегу. А рядом дорога была, так я нет, не то что рядом, дак я вдоль болота, видно, отправилась-то. Бежала-бежала, не помню, как выбежала, не знаю куда. Выбежала, стою, одурела — по огороду узнала, что на задний клон выбежала, туда вот в самый зад, на Борки выбежала. Стою, оглупела, не знаю, чё и надо. Я говорю: «Господи, да куда я попала-то». С испугу-то эдак. Потом я опаматовалась, всё, нашла дорогу, домой пришла.

А у меня соседка, она тоже всё ходила по лесу-то. Я и говорю: «Лидка! Рыжиков что, дак уж не знаю». Она говорит: «Возьми меня». Я говорю: «Пойдём завтра, я тебя на рыжики приведу». А не сказываю, что я видела эту дыру-то. Ладно, пошли. Ходим, а я всё иду, думаю, где, где, хотя бы мне б подвести её к этой берлоге-то. Вот сколько толку! Водила-водила, я говорю: «Лидка! Лидка! Иди-ка, я чего-то нашла! Как рыжиков погляди-ка сколько!» Она как подходит ко мне-то, она берлогу-то увидела, да как вся вспыхнула, как огонь. А как меня заматюкала, говорит: «Вот ещё придумала, ещё и меня притащила к берлоге. Сама, да ещё и меня притащила». У её лица нет, она не может и с места податься, испугалась-то. Я говорю: «Я чего-то и не испугалась». А как не испугалась, я и сама испугалась.

Ну, правда, на второй день, наверно, пришли мужики ко мне, трое. Пришли с ружьям, говорят: «Муза Андреевна, давай-ка веди нас к берлоге. Говорят, что ты дорогу нашла». Я говорю: «Да, нашла, ну я нагладелась её, я испугалась, говорю, чего-то больно темно там. Крыша построена, говорю, эдакая». Мужиков-то водила я, привела, а ведь не могла найти эту берлогу. Кусты-то всё одинаковые кажутся, листья-то всё опало на болоте-то. Всё кажет одинаково, водила-водила — не могла найти эту берлогу. Оне нашли, оне же убили этого медведя, убили-убили.

Публикация Д.М. САВИНОВА

(Москва)